

УДК 811.161.1

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ
В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ КОНЦА XVIII –
НАЧАЛА XIX ВЕКА (КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

О. А. Фелькина

*Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
бульв. Космонавтов, 26, 224060, г. Брест, Беларусь, felkina@yandex.ru*

На материале Национального корпуса русского языка выявляются некоторые лексические и грамматические изменения в русском литературном языке конца XVIII – начала XIX века (изменения в порядке слов и длине предложения, в частотности прилагательных и эмоциональной лексики), устанавливается их связь с литературными направлениями и особенностями идиостилей писателей.

Ключевые слова: лингвистический корпус; русский литературный язык.

**LEXICAL AND GRAMMATICAL CHANGES
IN THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE OF THE LATE XVIII –
EARLY XIX CENTURY (CORPUS STUDY)**

O. A. Felkina

*Brest State University named after A. S. Pushkin,
Kosmonavtov Blvd., 26, 224060, Brest, Belarus, felkina@yandex.ru*

Russian Russian National Corpus reveals some lexical and grammatical changes in the Russian literary language of the late XVIII – early XIX century (changes in the order of words and sentence length, in the frequency of adjectives and emotional vocabulary), establishes their connection with literary trends and idiosyncrasies of writers.

Keywords: linguistic corpus; Russian literary language.

В течение всего XVIII в. активно развивался процесс европеизации русского языка, со второй половины века – под сильным влиянием французской культуры. «Старокнижная языковая культура вытеснялась ново-европейской... Однако – при всем богатстве и разнообразии форм литературного выражения – в общерусском национальном языке еще не было твердых норм – ни грамматических (особенно синтаксических), ни словарных, тем более что высокий слог и прикрепленные к нему жанры старели или заметно эволюционировали в сторону сближения с живой разговорной речью, а простой слог с его вульгаризмами и диалектизмами уже не отвечал развитому вкусу европеизированной дворянской интел-

лигенции» [1, с. 43]. Уже В. К. Третьяковский и А. П. Сумароков осознавали необходимость выработки языка светского общения – по типу французского и других новоевропейских языков. «Не педант и не ученый, представитель узкой специальности, а светский человек провозглашается творцом образцового языка» [1, с. 44]. Однако процесс формирования такого языка занял несколько десятилетий, и главную роль в его оформлении обычно отводят Н. М. Карамзину: «Особенное значение для истории русского языка имела литературная деятельность Н. М. Карамзина, с именем которого современники связывали создание “нового слога русского языка”» [1, с. 43]. Несомненно, этот писатель внес неоценимый вклад в русскую культуру, но таким ярким личностям иногда приписывают заслуги их менее известных современников. Так, еще пару лет назад статья о Н. М. Карамзине в Википедии начиналась перечислением тринадцати якобы его неологизмов, семь из которых, по данным Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) [2], использовались до того, как был опубликован первый литературный опыт Н. М. Карамзина (*впечатление, моральный, гармония, эпоха, сцена, будущность, трогательный*; в настоящее время статья уже отредактирована).

Использование лингвистических корпусов дает возможность на более широком материале проверить как уже устоявшиеся представления о развитии русского литературного языка, так и новые гипотезы. Цель нашего исследования – на материале НКРЯ выявить лексические и грамматические изменения в русском литературном языке конца XVIII – начала XIX века и установить их связь с литературными направлениями и особенностями писателей.

Под влиянием французского языка русскоязычные тексты постепенно избавляются от сложных латинско-немецких периодов, особенно характерных для канцелярского слога. В опубликованном в 1796 г. «Сокращенном курсе русского слова» В. И. Подшивалова указывалось, что «промежутки от одной точки до другой в старину бывали очень велики, так что периода одним духом весьма часто выговаривать было не можно; но ныне употребляются по большей части пункты коротенькие, по причине трудного понимания длинных. Слов 8, 10 и 15 в периоде, так и довольно» [цит. по: 3, с. 189]. Так, в художественных произведениях 1759–1765 гг., включенных в НКРЯ, средняя длина предложения составляет 26,5 слов (от 19,8 до 33,8 слова), в книге М. Д. Чулкова (1740 г. р.) «Пересмешник, или Славенские сказки», написанной в 1766–1768 гг., – 23,8 слова, тогда как в «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина (1766 г. р.), изданной в 1792 г. – 12,9. Еще короче предложения – в среднем 11,7 слов – в вышедшей в 1790 г. книге М. Н. Муравьева (1757 г. р.) «Обитатель

предместия». В конце XVIII – начале XIX века уже наблюдается существенная разница между художественными и публицистическими текстами. Например, в статье Н. М. Карамзина «Что нужно автору?» (1794) длина предложения заметно больше, чем в «Бедной Лизе», – 22,3 слова. В публикации А. С. Пушкина «Мои замечания об русском театре» (1820) средняя длина предложения 16,1 слова, тогда как в повестях «Барышня-крестьянка» (1830) и «Арап Петра Великого» (1828) – 13,8.

Из сложных предложений исчезают некоторые устаревшие союзы. Так, союз *ежели* М. Д. Чулков в «Пересмешнике» использовал 12 раз, тогда как Н. М. Карамзин в «Бедной Лизе» – ни разу. Не встретился этот союз и во включенных в НКРЯ произведениях М. Н. Муравьева (1757 г. р.), П. Ю. Львова (1770 г. р.), В. В. Измайлова (1773 г. р.) и др.

В рамках простого предложения русские писатели также отходят от неестественного и затрудняющего понимание порядка слов. Так, в составном глагольном сказуемом инфинитив должен следовать за вспомогательным глаголом, но до конца XVIII в. часто встречались отступления от такого порядка. Например, М. Д. Чулков в «Пересмешнике» 19 раз использует конструкции типа *опасаться надлежит, утратить не может, увидеть не надеялась, сказать не смею, отшучиваться умеет* и др. Предложения с обратным расположением встречаются чаще – 222 примера (в 11,7 раз больше). В «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина в 95 случаях порядок расположения элементов составного глагольного сказуемого прямой, и лишь в пяти – обратный (разница в 19 раз). А. С. Пушкин в «Арапе Петра Великого» ни разу не нарушает прямой порядок, а в «Барышне-крестьянке» нарушений только два: *А поздешнему я говорить умею прекрасно; вырисовывать буквы стала довольно порядочно*. Сказуемых с естественным расположением частей сказуемого в двух названных произведениях 230, т. е. в 115 раз больше.

Порядок слов привлекает пристальное внимание не только писателей, но и языковедов конца XVIII – начала XIX века. И. И. Давыдов посвящает этой проблеме отдельный труд – «Опыт о порядке слов» (1816). Одно из требований этого времени касается расположения дополнений, зависимых от глагола: последнее место принадлежит прямому дополнению в винительном падеже, а дополнения в дательном и творительном падежах размещаются перед ним. У Н. М. Карамзина в «Бедной Лизе» нарушений такого порядка только два: *Платоническая любовь уступила место таким чувствам...; посвятив искренний вздох Лизе своей*. При этом в первом примере выражение *уступила место* можно рассматривать как устойчивое. Примеров, когда прямое дополнение стоит после косвенного, в данной повести 9 (в 4,5 раза чаще). М. Д. Чулков в «Пересмешнике» располагает прямое дополнение перед косвенным

13 раз, а после – 60 (в 4,6 раза чаще). В упомянутых повестях А. С. Пушкина разница еще больше – 6 и 52 (в 8,7 раза), в «Записках сумасшедшего» и «Шинели» Н. В. Гоголя – 3 и 37 случаев (в 12,3 раза) и др. Таким образом, требование к определенному расположению дополнений в произведениях XIX в. реализуется гораздо более последовательно.

Синтаксические особенности текстов могут быть связаны с литературным направлением, в рамках которого они написаны. Так, для литературы сентиментализма характерно большое количество определительных конструкций, соответственно более частое использование прилагательных, особенно качественных. Если в среднем по произведениям 1760–1850 гг. прилагательные составляют 6,9 %, то в произведениях Н. М. Карамзина – 9,3 %, у сентименталиста В. В. Измайлова – 10 %. При этом у А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя доля прилагательных совпадает со средним числом по периоду 1760–1850 гг., а у М. Ю. Лермонтова составляет 7 %. Доля качественных прилагательных у Н. М. Карамзина больше, чем у А. С. Пушкина: 63 и 57 % соответственно. Но в идиостилиях Н. В. Гоголя и М. Ю. Лермонтова качественные прилагательные играют значительно более важную роль, их доля составляет соответственно 62 и 68 %.

Частота использования слов, связанных с эмоциональной сферой, еще более существенно зависит от литературного направления, к которому принадлежит автор. Например, существительное *сердце* у сентименталистов встречается с частотой 2792–8162 ipm, тогда как у других авторов – не больше 1210 ipm; слов, начинающихся на *нежн-*, у представителей сентиментализма 1781–2357 ipm, у писателей XIX в. – не более 403 ipm и т. п. Данные по некоторым словам эмоциональной сферы обобщены в следующей таблице.

Частота использования характерных для сентиментализма слов у разных авторов (в ipm)

Авторы	<i>сердце</i>	<i>милый</i>	<i>нежн*</i>	<i>слеза</i>	<i>душа</i>	<i>утеш*</i>	<i>любез*</i>
М. Д. Чулков	857	71	1000	429	143	286	214
Н. М. Карамзин	4552	2771	1781	2969	2573	594	2573
П. Ю. Львов	2792	1396	1840	1523	1777	317	1337
В. В. Измайлов	8162	2127	2357	1782	2759	690	1437
А. С. Пушкин	1210	1008	403	471	807	403	202
Н. В. Гоголь	359	60	180	60	359	0	60
М. Ю. Лермонтов	1130	433	361	481	1058	168	313

Как видно из таблицы, исключение составляют слова, начинающиеся на *утеш-*, которые у А. С. Пушкина встречаются чаще, чем

у сентименталиста П. Ю. Львова. При этом, по данным НКРЯ, пик частотности таких слов приходится на 1804–1809 гг. (549–562 ipm), тогда как существительное *утешение* было наиболее частотным в 1799–1803 гг.

На основе проведенного анализа можно сделать ряд выводов. Во-первых, к концу XVIII в. существенно сокращается длина предложения в художественных текстах на русском языке, по этому признаку они начинают заметно отличаться от публицистических. Во-вторых, благодаря усилиям писателей, обладающих хорошим языковым вкусом, а также языковедов, постепенно устраняются необоснованные нарушения естественного для русского языка порядка слов. Отступления от обычного порядка начинают восприниматься как семантически или стилистически обоснованные. На это указывал И. И. Давыдов в «Опыте о порядке слов», об этом же говорит Н. М. Карамзин в статье «О русской грамматике француза Модрю»: «Мне кажется, что для переставок в русском языке есть закон: каждая дает фразе особый смысл... Лучший, то есть истинный, порядок всегда один для расположения слов; русская грамматика не определяет его: тем хуже для дурных писателей» [цит. по 3, с. 188]. В-третьих, на выбор слов, синтаксических конструкций и грамматических форм влияет литературное направление, к которому принадлежит автор. В частности, в сентименталистских произведениях более часто используются прилагательные и лексика, связанная с эмоциональной сферой. В то же время каждый автор обладает творческой индивидуальностью, и, например, П. Ю. Львов по частоте употребления слов *сердце* и *милый* оказался ближе к А. С. Пушкину, чем к «собрату» по литературному направлению В. В. Измайлову.

Библиографические ссылки

1. *Виноградов В. В.* Основные этапы истории русского языка // Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978. С. 10–64.
2. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 13.03.24).
3. *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М. : Высш. шк., 1982.